

Председатель Союза писателей ГДР, известный прозаик Герман Кант недавно выступил с новым романом «Остановка в пути». Сегодня мы публикуем главу из романа и интервью с писателем. Полностью «Остановка в пути» будет напечатана в журнале «Новый мир» и отдельной книгой — в издательстве «Прогресс».

На клапанах суперобложки нового романа Герман Кант поместил воображаемое интервью. Некоторые из вопросов, затронутых в этом интервью, мы положили в основу нашей беседы с писателем.

— Это автобиографический роман?

— Это роман.

— Вы не пережили то, о чем рассказываете?

— Ну почему же, пережил — в процессе писания.

— Стало быть, все вольно вымышлено?

— Я бы ответил, если бы знал, что такое вольный вымысел.

— Почему вы обращаетесь к таким отдаленным событиям, как война и плен?

— Для меня они не отдаленные.

— Можно ли назвать ваш новый роман книгой о войне?

— Нет, это немецкий роман воспитания.

— Сколько времени вам понадобилось для «Остановки в пути»?

— Тридцать два года — или пятьдесят лет.

— А сколько времени вы писали ее?

— В последние полтора года несколько тысяч часов. Но что это доказывает?..

ИНТЕРВЬЮ

«ЛГ»

«ОБОБЩЕННЫЙ ОПЫТ ЭПОХИ»

— Критика утверждает, что в обоих ваших предыдущих романах — «Актный зал» и «Выходные данные» — содержатся автобиографические черты. В какой мере ваш жизненный опыт отразился в новом романе?

— Критика утверждает это с полным основанием, и я не стал бы возражать, если бы и по отношению к «Остановке в пути» высказывались подобные предположения. Но, мне кажется, знание того, что писатель опирается в своей книге на лично пережитое, дает читателю не так уж много: это побочная информация.

Анна Зегерс не испытала на себе того, что она столь незабываемо описала в «Седьмом кресте», и это не так важно. Зато как несказанно важен, поистине незаменим «Седьмой крест». Есть люди, история жизни которых на слух воспринимается, как пять или десять волнующих романов, но то, что они потом делают с нею на бумаге, порождает лишь желание обратиться к другим книгам.

А иной вроде бы никакого особого жизненного опыта не имеет, а пишет книгу, которая включает в себе обобщенный опыт эпохи. Каким особым жизненным опытом обладал автор «Будденброков»? Однако мировая литература до сих пор гордится романом, автору которого было лет двадцать пять, когда он написал свою вечно молодую книгу.

Этим я хочу сказать лишь одно: личный опыт, разумеется, имеет значение, но он вовсе не всегда обязателен. Да, я был солдатом — четыре недели, да, я был в советском и польском плену — четыре года, и да — я очень хорошо знаю изнутри тюрьму в Варшавском квартале Мокотув, но те части книги, что особенно благоприятно оцениваются критиками, хотя и опираются на мои жизненные впечатления, созданы из пережитого при существенном участии фантазии, и, скажем просто, для этого потребовалась работа. Опыт опытом, но литература — прежде всего труд.

— В воображаемом интервью вы утверждаете, что ваш новый роман — «немецкий роман воспитания». Немецкий «роман воспитания» ассоциируется у читателя с Гёте. В какой связи с его традицией стоит ваша книга, что связывает ее с ними и что отличает от них?

— Верно, так я утверждал. Но мне следовало бы сказать: «очень немецкий роман воспитания», ибо здесь уместнее была бы ироническая формулировка.

С Гёте связь существует постольку, поскольку всякая литература связана с Гёте или Гёте связан со всякой литературой, за исключением той, с которой он, наверное, и не хотел бы связываться.

А если серьезно: я не могу назвать счастливым то обстоятельство, что я был солдатом и военнопленным, но, на мое счастье, я был в состоянии постепенно понять, что значили для меня эти роли.

И когда я смотрю на нынешний мир, я думаю: да, требуется еще немало «воспитания», чтобы люди научились думать и извлекать для себя уроки. Мне кажется, если бы нам удалось сделать привычку думать распространенной добродетелью, мы сильно приблизились бы к улучшенному миру. Почему я говорю о «привычке думать»? Мне кажется, именно о ней и об ее ужасной противоположности толкует мой роман.

ПОРТРЕТ НА НОВОЙ КНИГЕ

— Вы говорили, что это не роман о войне. Но речь в нем все-таки о войне. Война — это тема, которая вот уже более тридцати лет занимает нашу и вашу литературу. Какие из советских книг на эту тему произвели на вас наибольшее впечатление?

— Отвечая на подобный вопрос, рискуешь оказаться несправедливым: а) неизбежно кого-нибудь забудешь назвать, и потом тебе отчаянно стыдно; б) книги на одинаковую тему в разные времена (скажем, в плену или сразу после него) производили на меня совсем иное впечатление, чем сегодня; и, наконец, в) называя имена, неизбежно наводишь на сравнения, в том числе и с тем, что пишешь сам, а я еще недостаточно самоуверен, чтобы добровольно идти на это.

Но одно имя я все же хочу назвать. Я имею в виду Константина Симонова, и я, разумеется, имею в виду трилогию «Живые и мертвые».

Позволю себе рассказать вот о чем. За свою работу я получал те или другие награды, и я не стану делать вида, будто они мне ни о чем, но есть и награды иного рода. Например: во время международной встречи писателей в Софии в 1977 году Константин Симонов сказал мне: «Знаете, Кант, когда тридцать четыре года тому назад мы попали в освобожденную Софию, я где-то здесь неподалеку однажды ночевал в небольшом ресторанчике. Я никогда больше там не бывал и охотно еще раз посмотрел бы на него. Хотите пойти со мною?»

Хотел ли я! И что это был за вечер! И знаю ли я, какие же награды жизни самые драгоценные!

Но вернусь к вашему вопросу. Подчас приходится слышать, что на тему войны сказано уже достаточно. Я отвечаю: конечно, и мне хочется написать о многом другом, но лишь после того, как мне неопровержимо докажут, что у нас на земле уже достаточно мира. Тогда я не буду писать о войне — допустим, некоторое время.

— По вашим словам, для «Остановки в пути» вам понадобилось тридцать два послевоенных года и все пятьдесят лет вашей жизни. Наверное, можно сказать, что для каждой книги писателя нужна вся его предшествующая жизнь. Прожитая часть ее уже в вашем распоряжении. Как велика будет пауза между этой и следующей книгой?

— Когда я был электриком, я и то поостерегся бы сказать заранее, сколько времени потребуется, например, на то, чтобы найти короткое замыкание в столетнем доме на глухой немощеной улице.

В литературе, естественно, давать точные прогнозы еще труднее. Могу ответить так: с некоторых пор я сижу над новой темой — пытаюсь организовать материал, выслушиваю персонажей, раздумываю, как бы хозяйственной распределить свои силы.

Все это признаки того, что близится непосредственная работа над рукописью.

Люди моей профессии идут на пенсию в восемьдесят лет, а то и никогда. Но до восьмидесяти мне еще далеко.

Беседу вел Е. КАЦЕВА